

В. С. Иваненко

ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В XVIII В. (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

В статье исследуются условия и особенности зарождения и развития преподавания и изучения в XVIII в. международного права — *jus gentium* в Санкт-Петербургском академическом университете как первый подобный опыт в России.

Рассмотрена научная и преподавательская деятельность первых академиков Петербургской академии наук — представителей немецких университетов, которые в качестве профессоров-юристов осуществляли в Университете Академии наук преподавание юридических наук, в том числе и международного права.

Анализируются факторы, позволяющие объективно оценить достижения и недостатки изучения международного права в Академическом университете. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский академический университет, XVIII в., *jus gentium*, международное право, организация преподавания.

V. S. Ivanenko

THE TEACHING AND STUDY OF INTERNATIONAL LAW IN ST. PETERSBURG ACADEMIC UNIVERSITY IN THE EIGHTEENTH CENTURY (THE SECOND ARTICLE)

The article examines the conditions and characteristics of the origin and development of teaching and learning in the XVIIIth century international law, *jus gentium* – the St. Petersburg academic University as the first such experience in Russia.

It reviews scientific and teaching activity of the first academicians of the St. Petersburg Academy of Sciences — representatives of German universities, who as professors and lawyers carried out at the University of the Academy of Sciences the teaching of jurisprudence, including international law.

It analyzes the factors in order to objectively assess the achievements and shortcomings of international law in the Academic University. Refs 15.

Keywords: St. Petersburg Academic University, XVIIIth century, *jus gentium*, international law, teaching organization.

Условия и особенности начала преподавания и изучения в Университете международно-правовых знаний в XVIII в.

Впервые в России преподавание, изучение и распространение международно-правовых знаний началось в рамках Университета Петербургской академии наук. Академический Университет, задуманный Петром I и официально открытый в 1725 г. уже при Екатерине I, реально стал работать лишь в январе 1726 г. после завершения начального комплектования его «учащими и учащимися».

Для более ясного понимания условий, особенностей и трудностей становления обучения и науки международного права в рамках зарождавшегося в тот период в Санкт-Петербурге российского университетского образования необходимо иметь в виду следующее.

Иваненко Виталий Семенович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; Ivanenko.Vi@jurfak.spb.ru

Ivanenko Vitaly Semenovich — Candidate of Law Sciences (PhD), Associate Professor of International Law Department; St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Ivanenko.Vi@jurfak.spb.ru

1. Как отмечалось в предыдущей статье, в начале XVIII в. среднее и высшее образование в России еще находилось в зачаточном состоянии и неспособно было поставлять новому Университету своих, отечественных, «учащихся и учащих». Поэтому первыми профессорами и студентами Университета были иностранцы, в основном немцы; по условиям контракта Академии наук с приглашенными учеными они должны были привозить с собой и студентов для Университета — это были магистранты из их университетов. Русских юношей для университетского обучения еще только планировали готовить в гимназии при Университете. Позже Университет стал пополняться и русскими студентами из числа семинаристов монастырских училищ, но их доля не превышала 20 % [1, с. 14].

2. Приглашенные иностранные ученые как члены Академии наук должны были заниматься научно-исследовательской работой, но каждый из академиков обязан был также и в качестве профессора читать для студентов Университета, учеников гимназии при ней и вольнослушателей города еще по 4 лекции в неделю.

3. Учебные занятия и научный процесс в Университете осуществлялись на латыни, которая была почти не известна российской молодежи.

4. В первые годы (1726–1733 гг.) в Университете обучались лишь 38 студентов, и поэтому деление по специальностям не проводилось. Студенты прикреплялись к профессорам, слушали общие для всех лекции, а также самостоятельно занимались под руководством профессоров: студенты-юристы изучали рекомендованные нормативно-правовые документы, научную и учебную литературу (в основном на латинском языке) и выполняли индивидуальные задания по специальным юридическим вопросам. Обучение русских студентов осложнялось тем, что профессора и студенты почти не владели языком друг друга.

5. Занятия не всегда велись регулярно, не все профессора имели четкие программы; содержание лекций определялось их научными интересами и не преследовало цель систематического изложения какой-либо сферы знаний.

6. И, наконец, в контексте данной статьи самое существенное: в тот период дифференциации юридических наук еще не проводилось, преподавался для всех общий курс политико-правовых знаний. Поэтому и международное право — *jus gentium* — и как учебная дисциплина, и как отрасль юридической науки также еще не выделялось из общего научно-учебного направления «юриспруденция»: единственный профессор сообщал студентам международно-правовые знания наряду со сведениями о других правовых сферах общественной жизни.

Первые академики-профессора — носители международно-правовых знаний

Приглашенные иностранные профессора при изложении *jus gentium* ориентировались на господствовавшие тогда в европейских университетах естественно-правовые доктрины. В процессе обучения профессора знакомили студентов Университета со взглядами западноевропейских ученых о естественно-правовой природе происхождения общества, государства, права и международного сообщества в целом, подчеркивая, что источником всякого права и всякой власти является «разумная природа человека». Тем самым «естественное право» противопоставлялось существовавшему в тот период волеустановленному феодальному «кулачному праву — праву сильного».

Среди сторонников естественно-правовых теорий доминировало мнение, согласно которому в человеческом сообществе должны господствовать принципы свободы, равенства, справедливости, незабываемости частной собственности; эти принципы должны в равной степени регулировать отношения между индивидами, компаниями и государствами. Отсюда вывод: все государства находятся в свободном естественном состоянии и поэтому не признают над собой никакой власти.

Взаимоотношения между правителями, как и между возглавляемыми ими государствами, регулируются нормами естественного (т.е. разумного) права; соответственно международное право в своей основе и по своим характеристикам — это и порождение, и часть естественного права. Международное право является продуктом разума и основывается на «заповедях Бога», «природе человека» и «законах человеческого разума», а не на «праве сильного». Таким образом, к отношениям между государствами должны быть применимы нормы, которыми руководствуются отдельные лица в естественном состоянии, т.е. до возникновения государства. Из этого следует, что разум диктует правителям и их государствам необходимость строить между ними не отношения вражды и войны, а отношения мира, когда никто не наносит вреда другому. В отношениях между государствами должны действовать принципы суверенитета и независимости, равноправия и самоопределения, национальности и невмешательства во внутренние дела, *«pacta sunt servanda»* — обязанности выполнения международных обязательств. Государства и их правители должны руководствоваться в своих международных отношениях положениями, вытекающими из «естественного права народов».

Однако нельзя не отметить, что приглашенные ученые-иностранцы на «российской почве» по целому ряду принципиальных позиций уже стали отходить от многих канонов теории естественного права, сближаясь с позициями сторонников активно развивающейся позитивистской теории права, считавших первостепенным источником права согласие и договоры государств.

Основными научными книгами, которыми руководствовались и профессора, и студенты в процессе и преподавания, и изучения юридических наук, включая и международно-правовые знания, были научные труды двух широко известных западноевропейских ученых: «О праве войны и мира» Гуго Гроция и «О должности человека и гражданина» Самуэля Пуфендорфа.

Гросс Христиан Христофор Фридрих (Крестьян Леонтьевич; Gross Christian Friedrich [1 июля 1680 г., Лихтенштерн (герцогство Вюртемберг, Германия) — 2 января 1742 г., Санкт-Петербург] — один из первых немецких ученых, приглашенных в Петербургскую академию наук, академик и «чрезвычайный профессор нравоучительной философии, моральных и нравственных учений» Университета, первый из иностранных ученых-философов, который стал знакомить студентов Университета с юриспруденцией, в том числе и с международно-правовыми знаниями.

Х. Гросс — выпускник Тюбингенского университета, одного из старейших и престижных университетов Германии.

Прибыв в Россию летом 1725 г., он с 1 июля этого же года был определен в Университет на должность адъюнкта кафедры нравоучительной философии, а 24 ноября уже назначен на должность экстраординарного профессора по этой же кафедре.

Х. Гросс преподавал в Университете в течение двух лет «по книге Пуфендорфской» («О должностях человека и гражданина») этико-правовые знания, включая

и знания о *jus gentium*, путем комментирования и объяснений научных положений учения вышеуказанного Самуэля Пуфендорфа.

Одним из немногих русских студентов, который слушал лекции Гросса, в том числе и в области международного права, был князь Антиох Дмитриевич Кантемир — будущий знаменитый русский поэт, весьма успешный посол (резидент) России в Англии и во Франции (1731–1744 гг.).

Х. Гросс не оставил после себя собственных научных трудов по международному праву. В 1726–1727 гг. он представил Академии несколько сочинений по темам «нравоучительной философии», но они так и не были напечатаны. Рукописи Х. Гросса хранятся в библиотеке Российской академии наук. К сожалению, других сведений о его преподавательской деятельности до нас не дошло.

Академия наук поручала ему выполнение и других важных дел¹. В 1731 г. Гросс, назначенный секретарем посольства северо-германского герцогства Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бланкенбургского в Санкт-Петербурге, уволился из Академии наук и прекратил учебные занятия в Университете. Петербургская академия наук 9 декабря 1731 г. удостоила Х. Гросса высокого звания «иностранный почетный член Академии наук».

Жизнь Х. Гросса закончилась трагически. Вскоре после дворцового переворота 1741 г. (свержение малолетнего императора Иоанна и возведение на престол дочери Петра I Елизаветы Петровны) он подвергся уголовному преследованию по известному делу сподвижника Петра I министра графа А. И. Остермана, которому Гросс помогал составлять бумаги о внутриворцовых интригах. Он содержался под домашним арестом и не признавал предъявляемых ему обвинений в шпионаже. Хотя ему и не грозила реальная опасность, но Гросс еще до завершения уголовного дела покончил 2 января 1742 г. жизнь самоубийством (застрелился из пистолета) [2].

Бекенштейн Иоганн-Симон; Beckenstein Johann-Simon) — [22 февраля 1684 г., Данциг (Польша) — 1 июля 1742, предположительно Кёнигсберг] — первый ученый-юрист из приглашенных немецких профессоров, который довольно долгое время преподавал в Университете юридические науки, в том числе знакомил слушателей и с международным правом.

И.-С. Бекенштейн после окончания университета стал «разных прав дохтуром» университета г. Кёнигсберга, работая *doctor legens*, т. е. внештатным лектором.

В Российскую академию наук И.-С. Бекенштейн был приглашен в 1825 г. на должность профессора правоведения как человек широко образованный «в гуманитарных науках и иностранных языках». И.-С. Бекенштейн был принят в Академию на должность академика, а в Университете в качестве профессора занял кафедру правоведения². Занимая кафедру правоведения в 1726–1735 гг., он стал одним

¹ Со 2 января 1728 г. Академия начала издавать газету «Санкт-Петербургские ведомости» — первую и единственную тогда в России (правда, на немецком языке). Гросс в первые 6 месяцев издания газеты был первым ее составителем. «Ведомости» составляли на основе представлявшихся из разных учреждений официальных сообщений, а также сообщений и выписок из иностранных газет. В этих публикациях содержалась информация и международно-правового характера. Гросс занимался также составлением по русским летописям кратких хронологических таблиц по русской истории.

² Согласно контракту с Академией Бекенштейн был принят на работу на 5 лет с жалованьем 800 руб. в год, бесплатной казенной 4-комнатной квартирой с отоплением (*дрова*) и освещением (*свечи*) [3, с. 197].

из зачинателей университетского юридического образования в России [3, с. 197–201; и др.].

И.-С. Бекенштейн преподавал юридические науки, включая и *jus gentium*, согласно программам, действовавшим тогда в университетах Европы.

В соответствии с каталогом лекций от 14 января 1726 г. Бекенштейну предстояло читать лекции по натуральному праву, общим правам Германской империи, а «также и о институциях права Юстициана цесаря, буде слушателям полюбится, тщение иметь будет» [4, с. 93]. В преподавании юриспруденции вообще и международно-правовых знаний в частности И.-С. Бекенштейн придерживался «во всем правил натурального права и политики».

Бекенштейн читал студентам Университета на латинском языке также лекции по церемониальному праву, деловой корреспонденции и геральдике, став основоположником геральдической школы в России. Важно отметить: ныне существующий герб Санкт-Петербургского университета основан на его эскизе [5]. Он подготовил первое в России исследование — «История права публичного» (работа не была опубликована и осталась в рукописи).

В Академии и Университете Бекенштейн проработал 10 лет, выполняя разные поручения в этих учреждениях и вне их³. Но в 1735 г. срок контракта окончился и не был продлен Академией по прошению самого Бекенштейна, которого многое не устраивало в организации работы Университета. Прежде всего, его угнетало то, что в отличие от университетов Западной Европы, в структуре которых издавна юридические факультеты занимали главное место и профессора-юристы всегда имели старшинство в научном сообществе, в Петербургском университете не было четкости в статусе юридического факультета, а профессора имели униженно низкий статус: на них даже не был распространен Табель о рангах.

Бекенштейн покинул Петербург в конце 1735 г. и переехал в Кёнигсберг, но связей с Академией не утратил. Через три года Академия в знак признания вклада И.-С. Бекенштейна в становление российского просвещения избрала его своим «иностранным почетным членом» с ежегодным вознаграждением в 100 рублей.

Заслугой И.-С. Бекенштейна является то, что он стал первым профессором-юристом, который преподавал в академическом Университете правовые науки, в том числе и международно-правовые, хотя он и не оставил после себя в России каких-либо научных исследований по международному праву.

Преемником И.-С. Бекенштейна стал Штрубе де Пирмон.

Штрубе (Струбе) де Пирмон (Пирмонт) Фридрих Генрих; Strube de Pyrmont Friedrich Heinrich — [1 января 1704 г., Галлершпринг (Ганновер, Германия) — 1 августа 1790 г., место смерти неизвестно] — дипломат, академик, Главный ученый секретарь Петербургской академии наук и «профессор юриспруденции и политики» Университета, распространитель международно-правовых знаний; занявшись к тому же в России исследованием истории Русского государства, он стал одним из авторов так называемой *норманской теории* возникновения русской государственности [7, с. 547–548].

³ Так, Бекенштейн со второй половине 1727 г. составлял «Санкт-Петербургские ведомости», продолжив работу академика Гросса [6].

Штрубе окончил весьма престижный в Европе университет города Галле, занимая научной работой, исследуя вопросы естественного права. С 1730 г. он служил секретарем германских посольств в Вене, Лондоне, Варшаве; долгое время состоял секретарем курляндского герцога Бирона, с которым и приехал в Россию.

4 сентября 1738 г. Штрубе де Пирмон был принят в члены Академии и с этого же дня по 23 февраля 1741 г. и с 1 июля 1746 г. по 7 июля 1757 г. занимал в Университете кафедру правоведения [8; и др.]. Со студентами он проводил занятия по естественному и международному праву, устройству важнейших европейских государств, церемониальному праву и деловой корреспонденции.

В 1740 г. Штрубе представил в Академию и Университет свой первый научный труд в России о природе естественного права на французском языке — «Recherche nouvelle de l'origine et des fondements du droit de la nature» («Новое исследование о происхождении и основах естественного права»), в котором затронул вопросы природы и основ международно-правовых отношений [9].

1 июля 1746 г. Штрубе был назначен непременным Главным ученым секретарем Академии; эту должность он занимал до 1 марта 1749 г.

Период активной деятельности Штрубе в Университете совпал с давно назревшей его реформой, которая была реализована в первом Уставе (Регламенте) Академии 1747 г.

В соответствии с Регламентом в Университете было проведено организационное разделение всего изучаемого учебного материала на циклы и в рамках цикла гуманитарных наук вводилось изучение «права натуральныя и философия практическая, или нравоучительная» уже как самостоятельного предмета. Преподавание данного предмета было поручено профессору Штрубе.

В рамках указанного цикла Штрубе преподавал также 4 часа в неделю «новейшую историю всех государств в Европе, и потом их внутреннее состояние и каждого с прочими союзы и политическое связание»; знания о международном праве — «народном праве» преподавал по трудам Самуэла Пуфендорфа.

Перед началом лекций Штрубе по примеру германских университетов подготовил, а затем и издал в 1748 г. на русском языке и на латыни печатную «Программу, в которой равную пользу военной и судебной науки показывает и купно желающим упражняться в основательнейшем учении на свои лекции призывает Ф.Г. Штрубе, именуемый академии профессором», знакомившую слушателей с предложенным им курсом лекций. В ней Штрубе заявляет, что будет «со всяким прилежанием... обучать и изъяснять первые основания натурального и народного права, ибо сие должно почитать за источник всех прав и законов гражданских, потому что без онаго сих сочинить, разуметь и надлежащим образом употреблять никак невозможно» [10, с. 32].

Кроме того, Штрубе публично объявил об организации у себя дома в свободное время своего рода дипломатической школы для «наставления благородного юношества» — будущих дипломатов из молодых людей знатного происхождения, «которые желание имеют учиться тому, что принадлежит до отправления при чужих дворах публичных дел». Для школы Штрубе в 1748 г. разработал и издал подробную Программу дипломатической школы, в которой были перечислены следующие предметы, которые профессор Штрубе «дома учить и изъяснять намерен был»:

1) знатнейших европейских государств и республик состояние, внутреннее их расположение и политическое между ими соответствие;

2) должность и привилегии тех, которые для отправления публичных дел отсылаются в чужие земли, с так называемым церемониальным правом, поколику оно касается до таких дел;

3) сочинение писем и речей, особливо в означенных делах случающихся, на французском языке, который ныне при оных больше употребляется [4, с. 103–104].

Среди многочисленных работ Штрубе только одна имеет непосредственное отношение к международному праву — «Dissertation sur la raison de guerre et le droit de bienveillance»: она посвящена проблемам понятия, содержания и практики военной необходимости в ходе межгосударственных конфликтов.

По его мнению, только крайняя необходимость, основывающаяся на заботе о самосохранении, дает право на все, что ведет к этой цели, и устраняет все, что мешает ее достижению. Нормы как внутригосударственного, так и международного права сохраняют свою силу, пока не столкнутся с высшим авторитетом, каким является необходимость. Но надо удостовериться, что положение вещей находится в столь крайней необходимости, которая позволяет и уполномочивает прибегнуть к крайним средствам. Поэтому война сама по себе является следствием необходимости, а военная необходимость «представляет самый дух военных законов»; «она простирается на все законные и дозволенные средства, могущие облегчить выполнение цели, и исключает все, что может создать ей препятствия и затруднения». Автор утверждает, что государства имеют право в случае крайней необходимости, для собственного самосохранения, прибегнуть к военной силе, но предостерегает правителей от злоупотребления этим правом. Надуманные и неоправданные ссылки на военную необходимость являются в данном случае «жестоким злоупотреблением» [11, с. 114–116].

Международно-правовые вопросы отражены также в его работах «Введение в натуральную юриспруденцию», «Исследование о происхождении и основах естественного права» и в многочисленном рукописном наследии.

Нельзя не отметить, что Штрубе первым в России предпринял попытку исследовать историю российского законодательства⁴, а также подготовил специальное исследование о зарождении российского права, изданное Академией в 1791 г. [13]. По мнению историков, этот труд с научной стороны — наиболее ценное из всего написанного Штрубе в России.

Штрубе де Пирмон преподавал в Университете с перерывами до своего увольнения в 1757 г.⁵

В связи с открытием 14 февраля 1760 г. в Университете по предложению ректора М. В. Ломоносова в числе трех факультетов и самостоятельного юридического

⁴ 6 сентября 1756 г. Штрубе на торжественном собрании Академии произнес речь «Слово о начале и переменах российских законов», которая вошла в историю как первый опыт научного исследования истории развития русского законодательства и оказала большое влияние на всю последующую научную литературу об истории русского права и, в частности, о Русской Правде. Эта речь была переведена на многие языки и издана в основных печатных изданиях Европы [12].

⁵ В 1741–1746 гг. Штрубе — секретарь при посольствах России в Копенгагене, а затем в Берлине. Уволенный из Академии в 1757 г. за отказ издавать газету на французском языке, Штрубе поступил на службу в Коллегию иностранных дел России в звании советника, около 1779 г. вышел в отставку и предположительно в 1790 г. скончался в имении под Петербургом, пожалованном ему графом Н. И. Паниным.

факультета нужны были для преподавания правовых дисциплин уже только ученые, имевшие специальные и обширные знания в области юриспруденции. Таким ученым-юристом стал профессор Ф. Г. Федорович.

Федорович Георг Фридрих (Fedoroviz Georg Friedrih) (1 июля 1730 г., Фрейштадт (Бранденбург) — 1 августа 1790 г., место смерти неизвестно) — российский юрист, действительный член Академии наук и профессор общих прав Университета, имя которого было в свое время широко известно.

Г. Ф. Федорович родился и получил образование в Германии, юридические науки изучал в университетах Европы. Переехав в Россию, он служил вначале при Медицинской канцелярии, а затем обер-аудитором в российском Адмиралтействе, где усовершенствовался в знании русского языка и юриспруденции.

Ректор Университета М. В. Ломоносов после увольнения из Университета профессора Штрубе по совету академика Х. Гольдбаха рекомендовал в 1759 г. Академическому собранию принять на освободившееся место профессора Г. Ф. Федоровича; рекомендация Собранием была поддержана, и с 22 февраля 1760 г. Г. Ф. Федорович стал профессором общих прав Университета⁶.

Г. Ф. Федорович с 1761 г. вел занятия по основам юриспруденции, в том числе и по началам *jus gentium*. Он преподавал до тех пор, пока Университет не начал сворачивать свою учебную деятельность.

С 1 марта 1770 г. Г. Ф. Федорович уходит в отставку по собственному прошению. Научных трудов по правовым вопросам после себя не оставил.

На распространение в России международно-правовых знаний значительное влияние оказал **Миллер Герард Фридрих**; в русифицированном варианте — Миллер (Мюллер) Федор Иванович; Müller Gerard Friedrich [29 октября 1705 г., Херфорд (Вестфалия) — 11 октября 1783 г., Москва] — известный российский ученый, государственный и общественный деятель, первый ректор Санкт-Петербургского университета [3, с. 308–430; и др.].

В Германии Ф. Миллер учился в Рингельнском, а затем в Лейпцигском университете. Он — из первого призыва немецких студентов в Академию наук. Г. Ф. Миллер сделал в России блестящую карьеру; приехав в 20-летнем возрасте, приняв через 20 лет российское подданство, он прослужил в России 58 лет.

Миллер прибыл в Академию наук 5 ноября 1725 г. и был зачислен адъюнктом по истории; в 1726 г. получил должность преподавателя латинского языка, истории и географии в гимназии Академии наук. С июля 1730 г. Г. Ф. Миллер — профессор истории Университета⁷, непреременный конференц-секретарь Академии. В 1747 г. был назначен на должность официального «Российского историографа».

⁶ При рассмотрении кандидатуры Федоровича в собрании Академии против него выступил только секретарь Академии Г. Ф. Миллер, и это было началом конфликта. Когда в 1762 г. на качество лекций Федоровича пожаловался студент А. Я. Поленов, жалоба была рассмотрена на общем собрании Академии, но в отсутствие Федоровича и Ломоносова. Однако Миллер тем не менее занес жалобу и ее обсуждение в протокол собрания. А когда позже Федорович потребовал у Миллера объяснений, тот, по словам Ломоносова, «не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взашею выбил из конференции». Ломоносов вынужден был обратиться к Государственному канцлеру России М. И. Воронцову с настоятельной просьбой вступить за «нагло обиженного Федоровича» [14].

⁷ В тот же период Г. Ф. Миллер в течение 10 лет (1733–1743 гг.) участвовал во II Камчатской экспедиции, проехав по Сибири более 30 тыс. км и собрав богатейшую коллекцию документов по

Но особенно важно в контексте исследуемой в данной статье темы отметить, что в 1747 г. Г. Ф. Миллер возглавил Университет, войдя тем самым в историю как самый первый ректор Санкт-Петербургского университета (1747–1749 гг.) [1, с. 22–23].

С 1765 г. Миллер — начальник архива Коллегии иностранных дел в Москве. Екатерина II именным указом, назначая Миллера руководителем архива Иностранной коллегии, поручила ему составить «Собрание русской дипломатики».

Г. Ф. Миллер внес значительный вклад в международно-правовое просвещение как студентов Университета, так и широкой российской публики. Являясь с 1728 г. первым главным редактором первой русской газеты «Санкт-Петербургские ведомости», издание которой было поручено Академии наук, он инициировал публикацию отдельного приложения к газете — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728–1742 гг.), ставшего первым отечественным журналом. Цель Примечаний — «к пользе и удовольствию читателей нечто сообщать» и «вразумительнее изъяснять» разные международные и внутрироссийские события и факты.

В 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера в Петербурге стало выходить научно-литературное издание Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», редактором которого был Миллер.

Широкая эрудиция и энергичность Миллера в этих первых российских периодических изданиях оказали значительную пользу международно-правовому просвещению читающей русской публики. В «Примечаниях» Миллер подробно комментировал международные события, разъяснял те или иные международные сообщения, события и факты, опубликованные в газете.

Кроме комментариев в «Примечаниях» и «Ежемесячных сочинениях» Г. Ф. Миллер периодически публиковал и научные статьи на международные темы политического и правового характера: о суверенности и независимости государств; о способах и порядке разрешения споров между государствами; о праве цивилизованных держав на вновь открытые земли; о праве на разбитые морские корабли; о правовых проблемах претензий одних правителей на территорию других государств; о посольствах и консульствах и иных правовых аспектах дипломатических связей государств и др. [15, с. 15–57; и др.].

Разъяснения, комментарии и научные статьи Г. Ф. Миллера были в тот период чрезвычайно важны для распространения международно-правовых знаний как среди обучающихся в Университете и гимназии, так и среди всей читающей публики Российской империи.

«Плюсы» и «минусы» первого опыта международно-правового образования

Из всего вышеизложенного со всей очевидностью следует: в России международно-правовые знания стали впервые целенаправленно познаваться, преподаваться и распространяться с 20-х годов XVIII в. в Санкт-Петербурге в академическом Университете. Среди выпускников Университета были князь А. Д. Кантемир, ставший известным дипломатом, дворянин В. Е. Ададуров, занимавший впоследствии должность директора и куратора Московского университета, С. П. Краше-

ее истории, не до конца еще разобранную (знаменитые 258 «миллеровских портфелей»), но не потерявшую научного значения до сих пор.

нинников — будущий крупный ученый, ставший в 50-е годы XVIII в. первым русским ректором Санкт-Петербургского университета. В 1735 г. в Университет были приняты студентами будущие академики — астроном Н. И. Попов и знаменитый ученый М. В. Ломоносов. Все они, как и другие выпускники Университета, получили в том числе и доступную тогда подготовку в области международного права.

При этом объективности ради следует признать, что зарождение науки и преподавания международного права в России в XVIII в. было осложнено целым рядом объективных и субъективных обстоятельств:

— во-первых, наука и преподавание международного права и их носители-ученые пришли в Санкт-Петербургский академический университет из университетов Европы по инициативе и желанию державной власти тогда, когда само российское общество еще не было мотивировано и готово к широкому и глубокому восприятию и познанию международно-правовых знаний, что объясняется низкой общей культурной зрелостью тогдашнего населения России, неосознанностью большей частью общества и власти значимости юридического образования и науки в развитии общества, государства и в жизни каждого человека;

— во-вторых, первые профессора Университета, приглашенные из-за рубежа для преподавания юридических, в том числе и международно-правовых, знаний, были носителями относительно более развитых правовых идей, передовых знаний и образовательных методологий европейских университетов, к восприятию которых российские студенты и другие слушатели тогда еще не были готовы, поэтому профессора-иностранцы оказались в весьма сложном положении ввиду слабой востребованности их теоретических познаний и практического опыта;

— в-третьих, возникли труднопреодолимые проблемы коммуникативного свойства: приглашенные иностранные профессора читали лекции на повсеместно использовавшемся в тот период в университетах Европы научном языке — латыни; кроме того, российские студенты и другие российские слушатели слабо или вовсе не владели языком общения друг друга;

— в-четвертых, на организационном развитии, финансовом и материальном положении Академии и Университета не могло негативно не сказаться и общее состояние дел в стране, прежде всего «эпоха дворцовых переворотов» (1725–1762 гг.), в том числе период «запустения Петербурга» в связи с отъездом императорского двора из Санкт-Петербурга в Москву с января 1728 г. по январь 1732 г., когда «власть предержавшим» было не до проблем образования и науки (например, многие месяцы Академия и Университет не получали из казны ни копейки);

— в-пятых, преподавание международно-правовых, как и иных правовых знаний, осуществлялось в очень сложных условиях функционирования Университета. На организации учебного и научного процессов в Университете негативно сказывались длительное отсутствие нормативно-правовой базы его деятельности, административная нечеткость и неопределенность его правового статуса и структуры, механизма управления, статуса профессоров и студентов, их прав, привилегий и профессиональных перспектив. В течение всего периода своего существования Университет не имел достаточного и стабильного финансирования, устойчивого состава «учащих и учащихся», трудно внедрялся в научно-образовательную среду российского общества (предпринятые усилия ректора М. В. Ломоносова и директора Академии Е. А. Дашковой так и не смогли принести в тех условиях ожидавшихся позитивных результатов);

— в-шестых, сказалось и открытие в 1755 г. Московского университета как уже полностью самостоятельного высшего учебного заведения, при создании которого были учтены ошибки при создании и недостатки в деятельности академического Университета в Санкт-Петербурге; на поддержке Московского университета и были сосредоточены основные усилия правительства и общественности.

Поэтому в силу вышеназванных объективных и субъективных факторов приглашенные профессора-иностранцы не смогли внести сколь-нибудь заметного вклада в становление и развитие системы образования и науки международного права в России: они в тот период и в тех условиях скорее распространяли и популяризовали международно-правовые знания, чем развивали их путем исследования международно-правовых явлений. Но они были первыми, и они «взрыхлили и подготовили почву и бросили в нее первые плодородные семена» для зарождения и развития в полном смысле отечественной — Санкт-Петербургской школы международного права, равно как и для формирования науки, образования и просвещения в области международного права в целом в России.

Создание и деятельность академического Университета в сложнейших условиях той эпохи не были «ошибкой истории и обстоятельств».

Несмотря на все сложности, Университет стал первым высшим учебным заведением России, в котором был организован процесс преподавания и распространения совершенно иных научных знаний профессорами иной научно-образовательной культуры. В результате деятельности Университета первые несколько десятков молодых представителей российского общества получили высшее образование, были направлены для продолжения или завершения образования в университеты Европы, и многие затем стали сами профессорами и академиками, внесли заметный вклад в развитие нашего государства, составили гордость отечественной и мировой науки, культуры и образования.

Целый ряд выпускников Санкт-Петербургского университета впоследствии стали профессорами созданного в 1755 г. Московского университета.

Учитывая особенность организации учебного процесса в Санкт-Петербургском университете, большинство его выпускников приобрели также и юридические, в том числе и международно-правовые, знания.

Литература

1. 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись. 1724–1999. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 422 с.
2. Информационная система «Архивы Российской академии наук». URL: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=DB30B236-A3B4-5CF8-53C2-6DF1C0A8DB50&str> (дата обращения: 28.10.2015).
3. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1870. 844 с.
4. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2007. 672 с.
5. Медведев М. Отцы русской геральдики // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2002. № 3. С. 99–101.
6. Бекенштейн Иоганн Симон // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/9199/ (дата обращения: 02.10.2015).
7. Струбе (Штрубе)-де-Пирмон Фридрих Генрих // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. XIX. М., 1913. С. 547–549.
8. Струбе-де-Пирмон, Фридрих Генрих // Большой биографический словарь. URL: http://enc-dic.com/enc_biography/Strube-de-pirmon-fridrih-genrih-16977.html (дата обращения: 12.10.2015).

9. *Strube de Piermont F. H. Recherche nouvelle de l'opigine et des fondements du droit de la nature.* St. Petersburg, 1740. 308 p.
10. *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1870. 844 с.
11. *Грaбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Зерцало, 2005. 888 с.
12. *Штрубе Федор.* Слово о начале и переменах российских законов. СПб.: Печатано при Императорской Академии Наук, 1756. 34 с.
13. *Штрубе де Пирмонт Ф. Г.* Разсуждение о древних россиянах. М.: В Университетской типографии, 1791. (VIII). 192 с.
14. Федорович Георг Фридрих. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/kes-abc/kes/kes-2041.htm> (дата обращения: 21.10.2015).
15. *Мюллер Ф. И.* О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. С. 15–57.

References

1. *275 let. Sankt-Peterburgskii universitet. Letopis' 1724–1999 [275 years. Saint-Petersburg University. Chronicle of 1724–1999].* St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999. 422 p. (In Russian)
2. Informatsionnaia sistema «Arkhivy Rossiiskoi akademii nauk» [Database “Archives of the Russian Academy of Sciences”]. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=DB30B236-A3B4-5CF8-53C2-6DF1C0A8DB50&str> (accessed 28.10.2015). (In Russian)
3. *Pekarskii P. P. Istoriia Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge: v 2 t. [The History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. (2-Volume Set)].* Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1870. 844 p. (In Russian)
4. *Tomsinov V. A. Rossiiskie pravovedy XVIII–XX vekov: Ocherki zhizni i tvorchestva: v 2 t. [Russian legal scholars of the 18th–20th centuries: Essays on life and art. (2-Volume Set)].* Vol. I. Moscow, Zerkalo Publ., 2007. 672 p. (In Russian)
5. *Medvedev M. Ottsy russkoi gerald'iki [The Fathers of Russian Heraldry]. Rodina. Rossiiskii istoricheskii illiustrirovannyi zhurnal [Homeland. Russian Historical Illustrated Journal],* 2002, no. 3, pp. 99–101. (In Russian)
6. *Bekenshtein, Iogann Simon [Beckenstein, Johann Simon]. Bol'shaia biograficheskaiia entsiklopediia [Great biographical encyclopedia].* Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/9199/ (accessed 02.10.2015). (In Russian)
7. *Strube (Shtrube)-de-Pirmon Fridrikh Genrikh [Strube de Piermont, Frederic Henri]. Russkii biograficheskii slovar': v 25 t. [Strube de Piermont, Frederic Henri].* Vol. XIX. Moscow, 1913, pp. 547–549. (In Russian)
8. *Strube-de-Pirmon, Fridrikh Genrikh [Strube de Piermont, Frederic Henri]. Bol'shoi biograficheskii slovar' [Great biographical dictionary].* Available at: http://enc-dic.com/enc_biography/Strube-de-pirmon-fridrih-genrih-16977.html (accessed 12.10.2015). (In Russian)
9. *Strube de Piermont F. H. Recherche nouvelle de l'opigine et des fondements du droit de la nature.* St.-Petersbourg, 1740. 308 p.
10. *Pekarskii P. P. Istoriia Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge: v 2 t. [The History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. (2-Volume Set)].* Vol. 1. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk, 1870. 844 p. (In Russian)
11. *Grabar' V. E. Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917) [Materials on the history of the international law literature in Russia (1647–1917)].* Moscow, Zertsalo Publ., 2005. 888 p. (In Russian)
12. *Shtrube Fedor. Slovo o nachale i peremenakh rossiiskikh zakonov [A word about the beginning and change of Russian Laws].* St. Petersburg, Pechatano pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1756. 34 p. (In Russian)
13. *Shtrube de Pirmont F. G. Razsuzhdenie o drevnikh rossiianakh [Essay about ancient Russians].* Moscow, V Universitetskoi tipografii, 1791. (VIII). 192 p. (In Russian)
14. *Fedorovich Georg Fridrikh [Fedorowitz Georg Friedrich].* Available at: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/kes-abc/kes/kes-2041.htm> (accessed 21.10.2015). (In Russian)
15. *Miuller F. I. O pervykh rossiiskikh puteshestviakh i posol'stvakh v Kitai [On the first Russian travels and embassies to China]. Ezhemesiachnye sochineniia, k pol'ze i uveseleniiu sluzhashchie [Monthly useful and entertaining essays].* St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1755, pp. 15–57. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 2 октября 2015 г.